

ПО СЛЕДАМ СОЛДАТСКИХ БУДНЕЙ

Верещагино 2014 г.

По следам солдатских будней

Путь-дорога в армию

По моему понятию, служба в армии начинается с момента получения военного билета. В моём военном билете записано: «Призван на действительную военную службу комиссией при Троицко-Печорском РВК восьмого ноября одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года».

Распределением на работу, после окончания Пермского речного училища, я был направлен в Троицко-Печорский технический участок. Весь сезон на реке (навигацию), а это весенне-летне-осенний период, когда река полностью вскрыта ото льда, я работал в должности первого помощника командира землесоса на реке Печора.

В один из дней ноябрьских праздников нас посадили в автобус и повезли на сборный пункт в город Ухта, где формировали воинский состав. По дороге была длительная задержка в каком-то посёлке, чтобы забрать таких же, как мы, призывников. Автобус около часа не мог тронуться с места: местные призывники то заходили в автобус, то опять из него «вываливались». Родственников была такая толпа, что они запрудили всю площадь и не давали нашему транспорту тронуться с места. Кроме всего прочего, толпа была сильно

разогрета спиртным, ведь одновременно односельчане провожали более десятка человек.

Вспоминается и такой эпизод. К призывному пункту с автобуса мы шли по перрону вдоль стоящего на путях грузового эшелона. Строя, как такового, у призывной команды, конечно, не было. Один из местных призывников, изрядно перебравший спиртного, купил у торгашей полное лукошко сырых яиц. Ими он угощал буквально всех, но никто не брал. Тогда призывник стал ударять яйцами по конструкциям вагонов и пить то, что не успевало растечься. Его хмельной рассудок хотел привлечь такими действиями внимание к себе, любимому.

Когда он понял, что эффект не таков, как ожидал, то решил добавить разнообразия и яйца стал разбивать о свой лоб, а иногда делал попытки использовать лоб рядом идущих призывников. На замечания сопровождающих хулиган никак не реагировал и разбрасывал скорлупу по всему перрону. Можете себе представить вид нарушителя порядка к моменту использования яиц из лукошка. Практически весь он был в отвратительной яичной слизи вперемешку с осколками скорлупы.

На другой день, когда работала медицинская комиссия, данный призывник уже усердно драил туалеты сборного пункта. Дальнейшая его судьба мне не известна.

На сборном призывном пункте запомнились голые трехъярусные нары из досок. Благо, что отопление работало. Тем, кому достались нары верхнего яруса

под потолком, кислорода явно не доставало. Понятие «как сельди в бочке» полностью соответствовало действительности.

К вечеру второго дня мы уже грузились в эшелон. Это был состав, собранный из старых пассажирских вагонов с товарными вагонами посредине, предназначенными для кухни и хранения провизии. Ухта «проводжала» нас в дорогу первым снежком и хорошим морозцем.

Эшелон медленно тронулся с перрона вокзала, и мы поехали из гражданской жизни в среду военной службы. Изначально мы не знали точно, куда нас повезут. Уверенность была только в одном, что конечным пунктом будет граница, так как сопровождали нас пограничники. Мелькали вокзалы городов Котлас, Киров, а дальше состав повернул на восток и неспешно двинулся к моей малой родине.

В Перми стояли долго. В состав добавили несколько вагонов с местными призывниками. Как потом нам пояснили, по решению высшего военного руководства, мы являлись наподобие подопытных «кроликов», на которых проверяли адаптационные возможности человека, которого перебрасывают с крайнего Севера на крайний Юг. В дальнейшем служба призывников данного эшелона проходила в южных республиках Средней Азии: Туркмении, Таджикистане, Узбекистане и Киргизии.

Воинский эшелон буквально полз. Постепенно движение нашего состава оформилось в южном на-

правлении. С каждым днём за окном становилось всё теплее и теплее. Навстречу попался эшелон с призывниками южных республик. Вагоны встречного эшелона зияли провалами разбитых окон. Мы данным ребятам совсем не завидовали. Ведь их эшелон двигался дальше на Север, а там уже в преддверии зимы не исключались настоящие трескучие морозы.

В один из дней состав остановился на большой станции где-то в Казахстане. К этому моменту в пути мы были уже суток девять, изрядно устали от бытовых неудобств, вынужденного безделья, однообразия и тесноты. Вагоны использовались под завязку. Призывниками были заняты все полки, даже верхние, предназначенные под багаж.

Как только состав остановился, вагоны сразу же облепили торговки кумысом и другими продуктами, а между ними толкались местные бомжи в надежде собрать денег на малую дозу спиртного. Один такой, лет двадцати пяти, рослый, худощавый, сердитый с похмелья и давно не бритый, облюбовал наш вагон. Получив на заветную дозу, он быстро куда-то сбегал и вернулся к вагону уже изрядно навеселе.

И тут кто-то из вагона крикнул:
- Соседи мужика одевают! Давайте их перещеголяем!

Идея переодеть замшелого бомжа заразила в вагоне всех и сразу. Энтузиазм молодых людей хлестал через край. Призывники нашего вагона ехали служить не со своей малой родины, и поэтому всё ценное везли с собой, начиная от документов и денег и заканчивая

парадно-выходной одеждой. Поэтому наш вагон был одним из самых богатых.

Если вы наблюдали, как трогается товарный поезд, то, вероятно, заметили, что вначале дергается локомотив, затем начинается перестук буферов, начиная от головы к хвосту грузового состава. Буквально то же самое произошло с вагонами нашего состава, только «искра» переодевания двигалась от его центра к хвосту и голове. Через какое-то время большинство вагонов были заняты переодеванием бомжей с негласным соревнованием между собой.

В вагоне стихийно сформировалась инициативная группа, которая руководила процессом. Сержанты, сопровождавшие нас, были не против такой затеи. Бомжа затащили к умывальнику, побрили, отмыли и стали примерять всё самое лучшее, подходившее ему по размеру. Через какое-то время мужчину было не узнать. В новом одеянии он выглядел очень статным, даже красивым, и в недалёком прошлом, видимо, обладал хорошими манерами. Все на нем было с иголочки, начиная с носков и «корочек» - полуботинок и заканчивая шляпой и галстуком. Как говорят, хоть сейчас на подиум.

Когда новоявленный эстет вышел из вагона, все бабки, которые были поблизости, вначале изумлённо ахнули и ненадолго просто онемели, узнав в элегантном мужчине своего местного бомжа. Чуть оправившись от шока, запричитали, что он буквально сегодня же всё спустит за бутылку спиртного.

А теперь представьте себе такую картину: по перрону прохаживается около двадцати франтов, которые еще полчаса назад были людьми с помоек. Но всё когда-то заканчивается. Поезду дали отправление, мужчина махнул нам рукой, и все мы видели, что по его щекам текут слёзы. В эти минуты, видимо, он почувствовал себя человеком и вспомнил что-то своё, очень близкое его сердцу из прошлой жизни.

А нам было очень приятно осознавать, что мы на какое-то время смогли осчастливить незнакомого нам человека. И было совсем не важно, на какой срок растянется такая идиллия. Жизнь тем и прекрасна, что в ней бывают такие неожиданные мгновения.

Дальнейшее продвижение эшелона к месту службы протекало буднично. Постепенно от него отцепляли вагоны и отправляли по месту назначения. Наш вагон отцепили перед Ашхабадом на станции небольшого города Каахка. Это событие произошло на тринадцатый день пути – двадцать первого ноября. Было раннее утро. Температура чуть выше двадцати градусов тепла. Для нас это представлялось настоящим летом.

Дорога от вокзала до бани части проходила рядом с какими-то низкорослыми кустами и глинобитными заборами – дувалами. Не успели мы двинуться нестройной «коробкой», как нас со всех сторон окружила ватага туркменских ребят в возрасте от пяти до двенадцати лет. Все они дружно начали выпрашивать одежду. Вид у них был затрапезный, если не сказать хуже. Дети привыкли к таким сопровождениям, когда очередное пополнение двигалось в часть. По такому случаю, они оделись как можно хуже, чтобы вызывать жалость к себе. Мы и так уже раздали многое до этого. И хотя офицер в пути говорил, что одежду можно упаковать и отправить домой, но каждый, видимо, решил не обременять себя этой заботой и начинать службу прямо с нуля.

И снова началась ярмарка с раздачей вещей. Меня удивлял и поражал такой момент. Малыш мог набрать столько, что его почти не было видно из-за тряпок. Быстро оттаскивал всё куда-то в укромное место и снова бежал к нашей колонне за новой порцией одежды. Местные дети кружили вокруг нас, как рой насекомых.

Когда подошли к солдатской бане, мы были уже налегке. Незадолго до этого ребятню «отсекли» от нас. К тому времени я повидал в жизни многое, но работа взвода солдат банного комплекса меня просто поразила. Всё было продумано до мелочей. Несколько сержантов во главе с офицером собирали под расписку деньги и документы. Дальше предлагалось раздеться и ненужную одежду бросать в огромный костёр, который организовали рядом с баней. Побросали всё, что осталось. Я первый раз в жизни видел такой костёр из одежды. Языки пламени поднимались намного выше крыши. За долгую дорогу одежда просалилась и горела, как ветошь, пропитанная горючим веществом.

После раздевания садились на лавочки, и с десяток солдат машинками для стрижки волос быстро делали нам причёску под «ноль». При входе в помывочную все волосистые места обрабатывали хлорным раствором. Мылись все с особым наслаждением и усердием, отмывая накопившуюся дорожную грязь. На выходе получали полотенце и полный комплект солдатского одеяния. Все было разложено по кругу: подходишь, называешь размер, получаешь, надеваешь. У некоторых возникали определённые проблемы с надеванием сапог. Тут же незамедлительно проводился своеобразный ликбез, где обучали наматывать портянки.

После всех банных процедур стоим на улице и не можем узнать друг друга. Все стали одинаковые. Большинство никогда не носило шинель и фуражку. Их вид стал походить на нахохлившихся воробьев: ремень

«висит», фуражка набекрень. Постепенно, в основном по голосу, начинаем узнавать друг друга и осваиваться в новой одежде.

Звучит команда на построение в две шеренги. Кое-как построились. Начался торг по ротам. Всем, кого вызывают по специальности, предлагается сделать два шага вперед. Их отводят в сторону и уводят в свои роты: роту связи, автороту, комендантскую и другие.

Пока шёл данный торг, я стоял и недоумевал о том, почему я и другие выпускники Пермского речного училища, как минимум имеющие специальность техников-механиков, будем служить стрелками, пусть даже и на государственной границе. Можно было использовать данный контингент с большей пользой на флоте, практически без всякой подготовки и дополнительных затрат. Ведь пять лет закалки в условиях полувойенной формы обучения не прошли даром. Но в таких случаях обычно говорят: начальникам видней.

Шеренга редеет на глазах, а я так никуда и не определился со своим среднетехническим образованием. Прозвучала команда:

- Радисты! Два шага вперед, марш!

Поредевшие шеренги даже не колыхнулись. Вопрос поставили немного в иной плоскости:

- Кто-то в радио «копался»?

Несколько человек, в том числе и я, сделали эти два шага к своей будущей специальности радиста. К слову сказать, в роте связи задержались не все. Многие

не прошли отбор по слуху и были переведены в другие роты. Да и я, в конечном счёте, специальность радиста не получил. Злую шутку сыграло наличие у меня диплома о среднетехническом образовании. Это в дальнейшей службе, а пока я в учебке роты связи. Русских всего несколько человек. Основная масса новобранцев учебного взвода – украинцы. Есть единичные представители и других национальностей.

До службы в армии я был немного другого мнения об украинцах. Я представлял их такими службистами, которые делают карьеру любым способом. На самом деле оказалось, что это вполне грамотные парни со средним образованием, очень контактные, хорошо поддерживающие дружеские взаимоотношения. Что касается карьеризма, то эта черта прослеживалась, но в здоровом проявлении. Приведу конкретный пример. Мы с вновь обрётённым другом Колей Крушельницким в самом начале службы были направлены на разгрузку угля. Самосвалы вываливали уголь в завальную яму, из которой он шнеками подавался непосредственно к топочным котлам. В нашу задачу входило очистить кузов от остатков угля.

Во время этой несложной работы Николай сорвался со скользкого днища кузова и, падая в яму, вывихнул плечевой сустав. В медсанчасти доктор вправил сустав на место. Растяжение сухожилий при травме было настолько сильным, что в дальнейшем при резком неудачном движении вывих в суставе повторялся, и рука тогда висела плетью. Помогать ставить сустав

на своё место научились некоторые сослуживцы. Крушельницкому сразу же было предложено комиссовать-ся, но он сумел убедить ротное начальство оставить его служить. Мотивировал он это тем, что ему с такой характеристикой инвалида дома будет просто не найти невесту, так как он будет удостоен общего презрения односельчан.

Ротное начальство с его доводами согласилось, хотя основную роль, наверное, сыграло то, что Николай к этому времени прекрасно работал на ключе. Вся рота оберегала его от тяжёлой физической работы. Парень очень достойно прослужил до демобилизации нашего набора.

Учебка (От подъёма до отбоя)

По прибытии новобранцев в роту связи из нас был сформирован учебный взвод, состоящий из трёх отделений. Все они размещались в одной большой комнате, койки в которой стояли в два яруса. За каждым отделением был закреплён сержант. И потекли три месяца подготовки к основной службе.

За всё время службы я не видел в роте ни одного случая проявления дедовщины в грубой форме. На отсутствие таковой сказался, видимо, жёсткий отбор на границу, постоянный контроль офицеров особого отдела, фактор ответственности при постоянном нали-

чии боевого оружия и перевод в пограничный стройбат при малейших отклонениях в службе. Дислоцирован стройбат был невдалеке за строевым плацем, слева от которого находилась отрядная столовая, справа – школа сержантов. Такая картина вырисовывалась, если смотреть с крыльца нашей казармы.

В стройбат из учебки ушёл (естественно не по своей воле) мой новый друг – Женя Яворский. Причиной явилось то, что он совсем не мог подтягиваться на перекладине. Но через три месяца работы с лопатой Евгений по физической подготовке мог дать фору многим из нас. В таких случаях с сожалением говорят: поезд уже ушёл.

На момент нашего призыва был переход на двухгодичный срок службы. До этого в пограничных войсках служили три года. В роте оставались ефрейторы, которые несли службу уже четвёртый год. Им не повезло, как ни странно, по той простой причине, что данные старослужащие были классными специалистами и добросовестно несли службу. Один из них был прекрасным кабельщиком, другой шофёром в распоряжении командира роты, третий – начальником радиопункта. В роте данные солдаты пользовались привилегированным положением: занимались непосредственно конкретной деятельностью по своей специальности и не отвлекались на другие работы.

В учебке нагружали по полной программе. Первые дни ощущение было такое, что после команды «Отбой!» сразу же звучит команда «Подъём!». Недели

через две организм адаптировался к нагрузкам и ритму уклада солдатской жизни.

В памяти отложился такой эпизод. Последние минуты перед отбоем. Лежим на койках в позе на спине и руки за головой. По команде сержанта держим уголок где-то градусов под тридцать от уровня горизонта. Три солдата, первыми опустившие ноги, получают на завтра по наряду вне очереди. И наоборот, тройка солдат, которые дольше всех сохраняли данную позу, освобождались от наряда. По-моему, такой расклад был справедливым. Он являлся дополнительным стимулом к тому, чтобы каждому вплотную заняться физической подготовкой.

В завершении дня звучит приятная для уха команда:

- Отбой!

Минут пятнадцать стоит почти полная тишина. Сержанты удаляются в свою комнату. Как по команде, в полумраке начинается шуршание, а затем своеобразное чмокание. Днем был заход в воинский магазин. Все купили сгущёнку и теперь высасывали её из металлической банки прямо под одеялом, предварительно сделав два прокола гвоздём. Через один прокол молочная жидкость всасывается в рот, а через другой в банку поступает воздух.

Конечно, можно было бы употребить сгущённое молоко во время ужина в столовой. Но там и так еды было достаточно. А к отбою молодой организм вновь требует дополнительных калорий. Процесс высасыва-

ния жидкости через маленькое отверстие затягивается надолго. И при этом испытываешь состояние на уровне блаженства.

Политзанятия всегда проходили в «ленинской» комнате. В те годы это святое мероприятие. Политработники считали свою идеологическую работу с солдатами чуть ли не выше боевой подготовки. Заместитель командира по политической части, молодой младший лейтенант, только что получил погоны после окончания десятимесячных курсов. По годам он моложе меня. Лейтенант просто упивался данной ему властью, хотя теоретическая подготовка его явно «хромала».

Нам выдали толстые тетради. В нашу обязанность входило дословно записывать в них всё то, что политрук прочитает из трудов Ленина, Маркса других авторов. Дикцией лейтенант не отличался, да и терминологию не всегда выдерживал, зато при отсутствии всех записей можно было моментально получить наряд вне очереди.

Самое уморительное происходило в самом конце занятия. Дежурный солдат собирал тетради в стопку и нёс их в командирскую комнату вслед за лейтенантом. Тот открывал свой персональный сейф и, как строго секретные документы государственной важности, прятал наши конспекты от посторонних глаз. Прodelывал все это лейтенант нарочито серьёзно и ответственно. А мы, придя в комнаты, гасили свое нервное напряжение почти гомерическим смехом.

Учебка близилась к завершению. Проходило

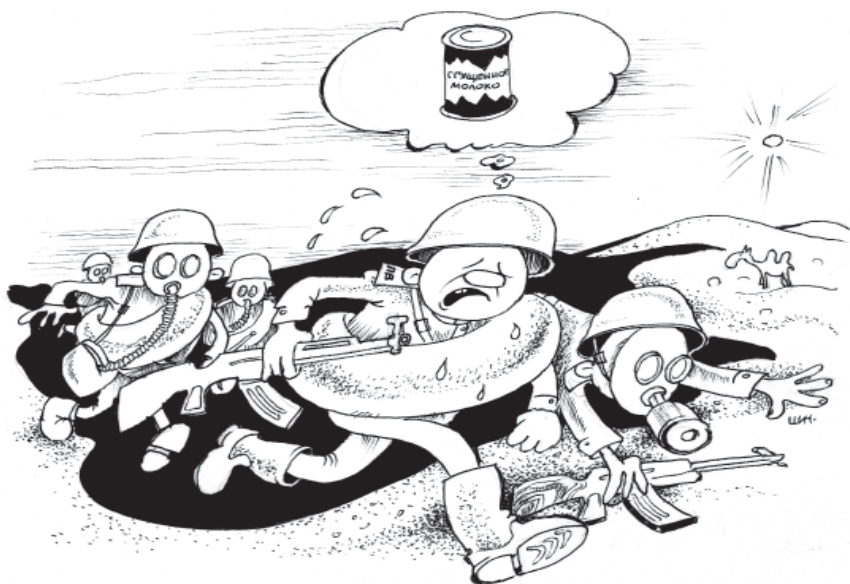
одно из последних занятий по тактике. В составе «коробки» бежали по бескрайнему полю тактических занятий с полной выкладкой: скатка шинели, автомат, подсумок с магазинами, саперная лопатка, фляжка с водой, противогаз. Порядок такой: если по возвращению в расположение роты во фляжке оказывалось жидкости меньше половины, наряд вне очереди был уже обеспечен.

День выдался жаркий. Команды следовали одна за другой, типа: окопаться, газы, до рубежа такого-то бегом и т.д. Обливаемся потом. Даже в сапогах начинает хлюпать. В висках стучит. У меня в мозгах всего одна здравая мысль:

- Неужели я самый слабый? Не может такого быть! Мое предположение в скором времени стопроцентно оправдывается. Кто-то упал и зовет маму. Пока сержанты отпаивают его и приводят в чувство, ослабляю маску противогаза и получаю несколько глотков свежего воздуха.

Наконец тактическое занятие подходит к концу. Оказывается, наши мытарства ещё не закончились. Один из солдат каким-то образом умудрился потерять подсумок с магазинами, снаряженными боевыми патронами.

Размыкаемся в цепь и начинаем прочесывать бескрайние, на наш взгляд, просторы тактического поля. К исходу часа обнаруживаем потерю и бегом передвигаемся на ужин. Сон в эту ночь был самым милым, хотя и без всяких сновидений.

Контрольные стрельбы

Проводились контрольные стрельбы из автомата для военнослужащих нашей роты. Это было в самые первые месяцы моей службы. На текущих стрельбах, которые в те годы в пограничных войсках проводились систематически, у меня всегда были прекрасные результаты. Сказывались навыки охотника-любителя, правильное обращение с оружием и умение хладнокровно сосредоточить внимание на стрельбе, не отвлекаясь на посторонние вещи. Когда пристреливал закреплённый за мной автомат АКМ, прицельную планку установил, естественно, под свой глаз.

Во время проведения контрольных стрельб некоторые старослужащие для выполнения упражнения облюбовали мое оружие. Причина такого решения до банальности проста. Им было просто лень заниматься чисткой своего автомата после стрельб. Результат выполнения ими упражнения был поистине плачевным. Некоторые из них отстрелялись даже на «неуд». Запомнилось выражение их лиц, на которых вместе с крайним удивлением отразилось полное непонимание того, что же на самом деле произошло.

После того, как кто-то очередной неудачно выполнял упражнение, предыдущие неудачники веселились от души. Радовались они тому, что не одни будут возвращаться сегодня со стрельбища в пешем строю. В роте связи существовало такое правило: тот, кто выполнял упражнение по стрельбе на «неуд», был обязан бежать за машиной по полной выкладке со всем снаряжением от стрельбища до казармы. А это ни много ни мало – где-то около трёх километров. Никакие поправки в отношении старослужащих в этом случае не действовали. Неудачники во главе с сержантом обычно выбегали со стрельбища раньше машины, которая обгоняла их в пути. Мне ни разу не довелось испытать этот маршрут в пешем строю.

Ко мне по результатам стрельб, естественно, никаких претензий со стороны тех, кто плохо отстрелялся, не было. Буквально через несколько минут я из своего автомата легко выполнил данное упражнение на оценку «отлично».

Сейчас, после операций на правом глазу, понимаю, что нарушения поля зрения прицельного глаза проявились, видимо, уже во время службы в пограничных войсках. Прицел, установленный мной под мой глаз, совсем не подходил для других солдат. Это в полной мере подтвердилось в дальнейшем на гражданке во время проведения спортивных стрельб из малокалиберного или пневматического оружия.

Где-то на втором году моей службы в нашей роте провели замену автоматов на другие, которые были с раскладным металлическим прикладом. Такое оружие очень удобно при работе связистов с заплечной рацией. На память приходит первая стрельба из данного автомата. Лежу на изготовке и по команде начинаю стрельбу. Сразу же, после первой короткой очереди, чувствую солоноватый вкус крови во рту. Причиной стало то, что я недостаточно плотно зафиксировал легкий и непривычный для меня на тот момент металлический приклад.

При произведенных выстрелах за счет отдачи автомат резко дернулся вверх, подпрыгнув при этом в моих руках. Ударом металлического приклада мне расшатало зуб и пробило до крови губу. На ум невольно приходят мудрые слова, что все познается на опыте. Остается только сожалеть о том, что данную науку мы познаем, чаще всего, на своем собственном опыте, повторяя ошибки других людей.

Запомнился и процесс обучения метанию боевых гранат «Ф-1», которые в обиходе называют «лимонки».

По внешнему виду гранаты очень долго хранились на складах. Высказывалось реальное предположение, что они подлежали уничтожению по истечению положенных сроков хранения.

Нам, под началом старшины Евтушенко, приходилось очищать в них резьбу под запал от образовавшейся ржавчины специальными метчиками. Образование ржавчины казалось нереальным, потому что каждая граната в ящике была обёрнута промасленной бумагой.

Для метания гранат был оборудован окоп с небольшим раздвоением. В одной нише находился солдат, осуществляющий броски гранат, в другой – страхующий офицер в звании майора на случай форс-мажорных обстоятельств. Голова солдат была защищена каской.

Человеку свойственно созерцать процесс. Если чересчур любопытный солдат после броска гранаты пытался выглянуть и пронаблюдать за ее полетом и последующим разрывом, то на его черепушку в каске опускалась мощная колотушка кулака майора. После чего солдат мягко складывался на дно окопчика и на время замирал там, уже ничем больше не интересуясь.

Систематическое проведение стрельб в пограничных войсках позволяло солдатам сродниться со своим оружием и в случае чрезвычайных ситуаций эффективно применить его по назначению.

Осваиваю лазанье по столбам

Основная моя служба проходила на гарнизонном радиоузле, где я являлся радиомехаником. В те дни, когда требовался выход на ремонт или обслуживание линий, ставил приемник на длинные волны с широким диапазоном канала, и дальнейшую работу радиоузла осуществляла автоматика.

Через гарнизон, рассекая его на две части, проходила автомобильная дорога. В один из моментов кабель, проложенный под этой дорогой, замок и вышел из строя. Дорожное полотно в месте аварии решили не перекапывать, чтобы не препятствовать движению по транспортной артерии, а поставить два высоких столба с укосинами, через которые по воздуху провесить кабель.

Отделение солдат взвода воздушных линий быстро поставило два столба, совершенно не просушенные и большого диаметра. Укосины планировалось поставить позже. Расстояние между столбами составляло около двадцати метров, что не представляло угрозы смещения столбов при навешивании на них кабеля.

На другой день принял решение форсировать работы по провешиванию кабеля. В помощники мне был назначен солдат, в задачу которого входило подать и поднести. На дворе был один из морозных дней той памятной, экстремально холодной для данного региона зимы. Столб был похож на ледянку. Надо заметить, что на тот момент мне ни разу в жизни не приходилось

работать с помощью монтерских когтей, размер которых был таким, что они еле охватывали данный столб.

Подвязав к поясу кабель, закреплённый на проволочной струне, двинулся вверх к намеченной цели. Чтобы было удобней подниматься, очень свободно обвязался страховочной цепью с пояса.

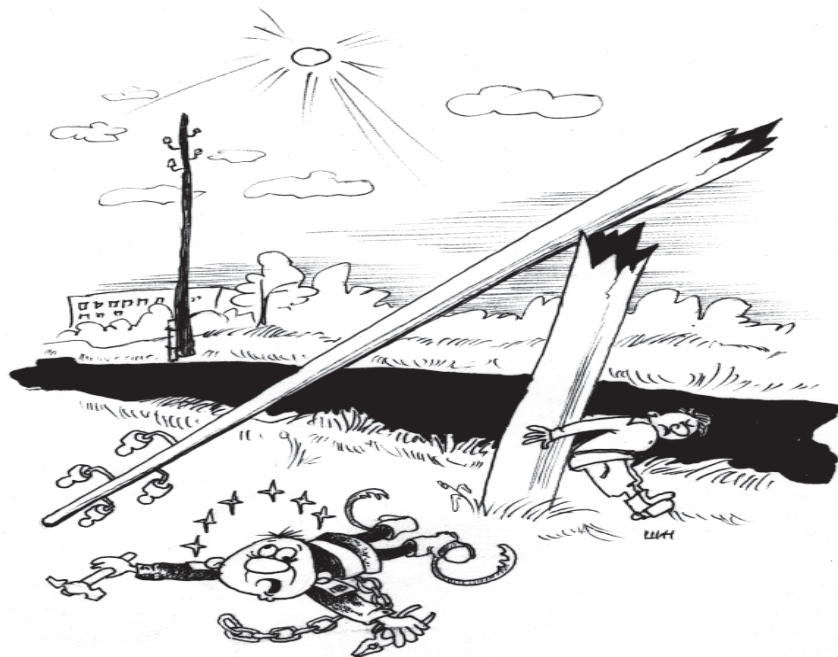
Пока поднимался вверх по столбу, основное внимание концентрировал на постановке когтей. При этом внимательно контролировал, чтобы шип врезался в дерево. Набирая с подъемом высоту, почувствовал, что суммарный вес (мой и поднимаемого кабеля) постепенно нарастает. В тот момент, когда я попытался переложить кабель на крюк, мной было выполнено непроизвольное движение ногами. Когти скользнули по мерзлому столбу и я, подчиняясь закону всемирного тяготения, тут же двинулся вниз навстречу матушке-земле. Из-за большой слабины страховочная цепь мне практически не помогла. Обхватить столб ногами не успел - мешали когти. Рукавички я снял, когда отцеплял от пояса кабель. Оставалось одно – тормозить спуск, охватив столб голыми руками.

Земли достиг на удивление быстро. От перелома нижние конечности спасло то, что в момент приземления они оказались полусогнутыми. Бушлат и страховочный пояс защитили от травм грудь, живот и руки. Что касается ладоней рук, то им досталось по полной программе - они сильно кровоточили. Были царапины на щеке и подбородке. Да и неконтролируемое приземление, которое в конечном итоге закончилось в ос-

новном на пятую точку, явилось причиной того, что на сравнительно короткое время я оказался в полубессознательном состоянии.

Первое, что почувствовал, приходя в себя, как теплая волна прошла по всему телу. И только спустя какое-то время стал испытывать определенные болевые ощущения. Помощник подскочил ко мне, помог снять когти, а затем осторожно подняться. Встав на подгибающиеся ноги, навалился на злополучный столб, и какое-то время стоял в такой позе, постепенно приходя в себя. Дышал я глубокими затяжками. Ни о какой дальнейшей работе не могло быть и речи.

Осознав, что все кости целы и есть возможность передвигаться, мы с помощником не торопясь напра-

вились в распоряжение нашей роты, где мне помогли обработать раны. После чего, с разрешения старшины, я лег отдыхать. Да, начало моей службы на новом месте оказалось не совсем радужным. Как говорится, «первый блин комом».

На другой день к столбам были поставлены необходимые укосины, проброшен и закреплен кабель. Ротный кабельщик распаял концы кабелей и установил на них муфты. Лично от меня потребовалась помощь только лишь во время соединения проводов, чтобы сохранить без изменений все каналы связи. Через какое-то время последствия падения перестал ощущать.

Где-то ближе к концу лета мне было суждено работать, выполняя установку новой распределительной коробки, на том самом, несчастливом для меня столбе. К тому времени я уже набрался определенного опыта лазания по столбам. По размеру были подобраны и монтерские когти.

Работаю на высоте. Закрепился на верхней части столба как положено, по всем правилам техники безопасности. Неожиданно для себя замечаю, что стоит только мне чуть ослабить ногу с упора когтей, как она начинает произвольно вибрировать, подпрыгивая на месте. Пробую взять свою ногу за колено рукой – дрожь не унимается. Мне стало смешно оттого, что никакие мои волевые усилия не могут погасить в мозгу страх, оставшийся от того памятного падения со столба. Организм хорошо помнил его и тут же включил внутреннюю защиту, предупреждая о серьезной опасности.

Мне стоило больших волевых усилий, чтобы довести до конца работу на столбе, не прерываясь при этом на отдых. Все это ещё раз доказывает, что каждый человек методом проб и ошибок постепенно набирается дополнительного опыта и со временем становится специалистом в своём деле.

Вмешательство в разговор

Ефрейтор, который перед своей демобилизацией передал мне радиоузел, рассказал забавную историю, которая приключилась с ним. На гражданке он работал механиком на узле связи большого города Украины. Однажды в конце смены проверял технические характеристики каналов связи и заносил контрольные данные, полученные во время замеров, в журнал учета.

Неоднократно подключаясь к одному из каналов, слышал, по его мнению, трёп двух деревенских мужиков, в разговоре которых по большей части проскальзывали слова типа: яблоки, картошка, морковь, валенки и что-то наподобие этого.

Некоторые из характеристик линий механик не имел возможности проверить на занятом канале. Он, естественно, был в курсе того, что это «выделенный» канал. Юношу ввёл в заблуждение развязный тон разговаривающих мужчин и чисто деревенская тематика. Все походило на обычную болтовню двух друзей от

нечего делать.

Время передачи смены совсем поджало и механик, в нарушение всяких инструкций, вмешался в разговор со словами:

- Я механик Яблонский. Хватит травить про яблоки и валенки. Прошу освободить канал связи для проверки технических характеристик.

На «концах» провода как-то странно среагировали, но данный разговор прекратили, освободив канал. Но не прошло и нескольких минут, как на связь буквально ворвался его непосредственный страшно разгневанный начальник. Он, чуть ли не заикаясь, дрожащим прерывающимся голосом так отчитал молодого механика, что повторного объяснения не требовалось. По всему было видно, что и сам начальник только что получил подобный нагоняй «сверху».

А причиной данного переполоха стало то, что механик незаконно прервал, да к тому же еще и подслушал разговор двух работников комитета государственной безопасности (КГБ). В те годы структуры КГБ имели неограниченную власть в государстве. Молодой человек был несказанно рад уже тому, что для него всё закончилось только словесной взбучкой от начальника.

В будущем, если при передаче смены канал был занят, механик просто наугад ставил цифры технических замеров. Он считал, что лучше получить нагоняй за неудовлетворительное состояние канала, чем быть моментально уволенным, о чём недвусмысленно пред-

упредил в том памятном разговоре его непосредственный начальник.

Хорошая характеристика с последнего места работы и соответствующая специальность обеспечили данному юноше в армейской жизни службу механиком на гарнизонном радиоузле.

Нюансы туркменской природы

Между строевым плацем и крыльцом нашей роты находился большой цветник, по периметру которого были насажены лиственные деревья, а через сам цветник шли дорожки, окаймленные бетонными бордюрами и обсаженные вечнозелеными кустами. Во время проведения генеральной уборки бордюры подбеливали, а кусты ровно подрезали. Поэтому подходы к казарме нашей роты имели красивый вид.

Наш строевой старшина Евтушенко к тому времени на границе прослужил тридцать три года. Под его началом осваивал службу на границе и командир отряда полковник Царегородцев, получивший при нас повышение по службе с присвоением ему звания генерал-майора.

Меня всегда поражало, как основательно проводил старшина суточный развод. Система развода у него была отработана настолько идеально, что после нарядов никто не испытывал усталости. Если же развод

проводил кто-то из молодого сержантского состава, то обязательно возникали непредвиденные накладки, что приводило к недосыпанию и нарушению привычного ритма жизни, хотя состав роты оставался неизменным.

В Туркмении, с её жарким и сухим климатом, вода всегда была на вес золота. Для полива цветов и деревьев, расположенных перед казармой роты, официально выделялось небольшое количество живительной влаги. Обычно, вдоль городского арыка, по которому пропускалась вода, проходил ответственный за ее распределение человек (мираб) и направлял воду в отводные каналы (канавы) на короткое время. Такие незначительные объёмы жидкости моментально впитывались на цветнике в пересохшую от жары почву и были явно недостаточными, чтобы обеспечивать растительности буйный рост и хорошее цветение.

У старшины роты был надёжно отработан свой метод безлимитного забора воды. Он направлял одного солдата незаметно следить за мирабом, который не имел доступ на территорию гарнизона. Другой солдат в это же самое время разбирал заградительную дамбу, и живительная влага наполняла обвалованный по краям цветник. Поэтому буйно цветущие клумбы радовали солдат практически круглый год.

Летний дождь в пустынном регионе Туркмении, где мне довелось служить, это, видимо, что-то сродни маленькой сенсации. За те два года, проведённые мной в данном климатическом поясе, начиная с марта месяца и заканчивая декабрём, не пролилось ни одного

заметного дождичка. Бывало, иной раз весь горизонт заполнит подобие грозовой тучи, а в итоге все закончится пыльной бурей с сильными вихревыми потоками. Такие природные явления зачастую добавляли мне непредвиденной работы, обрывая и замыкая провода воздушных линий.

После такой бури, мельчайшие частицы оседали на всем, на чём только можно. Пол становился седым даже при условии очень плотно закрытых окон. Смыть тряпкой слой такой мелкой пыли с одного подхода просто не представлялось возможным. Всегда испытываешь очень неприятное ощущение, когда данный абразив скрипит у тебя на зубах. Определённая разрядка в атмосфере после подобной бури всё же происходила, так как дышать становилось чуть легче.

Для офицерского и старшинского состава в те годы, в основном, были построены двухквартирные одноэтажные дома, покрытые жёстью. Если возникала необходимость работы с проводами на подобной кровле, то перед тем, как подняться на неё, подставлялся под водяную струю колонки и обливался от панамы до сапог. В противном случае возникала вероятность получения солнечного удара. При касании открытыми частями тела железа на крыше, раскаленного лучами полуденного солнца, не исключались самые настоящие ожоги.

Вымоченная одежда при проведении работ, особенно выполняемых на высоте, просыхала буквально за несколько минут. Поэтому проведение неотложных

работ в это время года на крыше для меня всегда превращалось в некое испытание, сопровождаемое чуть ли не экстремальными условиями на выживаемость.

Зима шестьдесят восьмого - шестьдесят девятого годов в тех краях выдалась аномально холодной, с обильными осадками в виде снега и достаточно приличными морозами. Даже старожилы не могли припомнить ничего подобного в своей жизни. Местная власть и местные жители совершенно не были готовы к подобным сюрпризам погоды. Целые отары овец погибали от холода и голода по причине того, что хозяйства не имели достаточного запаса кормов, а овцы содержались в простейших загонах без всякой крыши над головой.

Пограничные заставы по мере возможности помогали кормом, предназначенным для армейских лошадей. Естественно, они могли покрыть малую часть потребности. Поделиться можно было только той частью, которая не сказывалась на боеспособности конкретного подразделения.

Для нас же - солдат, которые призывались с Урала и Севера, снежная морозная зима была в радость и напоминала привычный родной климат.

Во время службы в армии впервые в жизни довелось смотреть фильмы в настоящем летнем открытом кинотеатре. Вечером на юге темнеет быстро, поэтому видимость на экране во время показов была достаточно приличной. Правда, если место в театре оказывалось с краю, то временами к звукам из колонок примешива-

лись звуки жизни пустыни, к примеру – треск цикад. Вместо крыши можно было наблюдать звездное небо.

Запомнилась встреча в гарнизонном доме культуры с двумя артистами из популярной в тот период телепередачи «Кабачок 13 стульев». Одной из них была Ольга Аросева. Мужчину я, к сожалению, не запомнил.

Группе солдат было дано задание, которое предусматривало встречу артистов цветами. За ними военнослужащие выехали в предгорья на грузовике ГАЗ-66 и нарвали полкузова тюльпанов. Цветами была оформлена буквально вся сцена дома культуры. Удивлению артистов от увиденного не было предела.

Все военнослужащие в гарнизоне были просто восхищены и очарованы выступлением столичных артистов. А те, окруженные морем алых цветов, на сцене работали с огромным творческим подъёмом и вдохновением.

Розыгрыш

Несу службу механиком на радиоузле, который расположен в здании узла связи. По штатному расписанию эту должность должен занимать офицер в звании старшего лейтенанта. Со временем, когда с гражданки в армию стали приходить технически более подготовленные люди, стало возможным использовать на

данной должности и рядовых солдат, экономя при этом на заработной плате.

Моя карьера будущего радиста закончилась именно в тот момент, когда подошло время демобилизации механика радиоузла, моего предшественника. Меня вызвал командир роты майор Загайнов. Это был офицер, имеющий два высших образования. Он имел дипломы об окончании института радиотехники и высшего военного командного училища. Как прекрасного специалиста, его в скором времени перевели в город Ашхабад на повышение.

Он обрисовал создающуюся ситуацию. А мне на тот момент очень хотелось стать классным радистом, и я попытался отговориться от назначения механиком радиоузла. К тому времени у меня появились определенные навыки работы на ключе, что предвещало переход в ближайшее время на самостоятельную работу. Устав убеждать меня, майор Загайнов зачитал приказ о моём назначении и взял под козырек со словами:

- Исполнять!

Мне не оставалось ничего иного, как ответить по уставу:

- Есть!

В жизни ничто не бывает бесполезным. Мы всегда чему-то учимся. Буквально со следующего дня стал учеником механика на радиоузле. После непродолжительной стажировки приступил к самостоятельной службе и в будущем уже нисколько не жалел об этом назначении. Такова человеческая натура – привыкать

ко всему.

Всякая служба, как и любая другая работа, таит в себе как плюсы, так и некоторые минусы. Доставляла истинное удовольствие практически полная самостоятельность, а также авторитет и уважение среди всех, кто проживал в пределах гарнизона. Определённым минусом работы на радиоузле было то, что мне приходилось спать где-то на один час меньше, чем другим солдатам, свободным от нарядов. Это время уходило на дорогу от казармы до узла связи и обратно по утрам и вечерам.

От механика радиоузла всецело зависело, какие программы транслировались на радиоприемники слушателей. А вечерние концерты по заявкам, трансляцию которых утвердил замполит части подполковник Черечукин (с моей подачи), составлялись мной.

Все очень полюбили этот час радиотрансляции перед отбоем. Меня буквально заваливали грампластинками и магнитофонными кассетами с новыми записями, особенно те, кто возвращался из отпусков. Мне оставалось только перемежевывать песни речевыми вставками с поздравлениями юбиляров. Если человек чем-то увлечён, то время для него летит быстрее. А для солдата это вдвойне приятно.

Однажды один из солдат, вернувшийся из отпуска, передал мне кассету с записями песен Высоцкого. Тогда я впервые услышал авторское исполнение и живой голос этого великого певца, после чего раз и навсегда стал его безоговорочным поклонником.

Сейчас это даже трудно себе представить, но в конце шестидесятых годов Высоцкий был строго запрещённым поэтом и певцом. Кассету, естественно, прослушивали в очень узком кругу. Хранилась она в специально оборудованном тайнике, который по наследству передал мне мой предшественник. В этом тайнике хранилось все то, за что, не задумываясь, могли незамедлительно посадить на гауптвахту: за фотоаппарат с принадлежностями, запрещенные записи, неуставную (дембельскую) атрибутику и многое другое.

Самое смешное было то, что тайник был оборудован на самом видном месте. Ведь недаром говорят: хочешь спрятать подальше – положи на самое видное место. Представьте себе: в углу комнаты радиоузла у самого входа стоит кирпичная печь высотой чуть больше полутора метров. Сложил ее солдат, по всей вероятности, никогда ранее не занимавшийся печным делом. Печь состояла из топки практически квадратных размеров. Труба уходила в сторону и через стенку здания была выведена наружу. Над топкой было выложено рядов восемь кирпичей, которые никогда не прогревались до конца. Да и топили печь от случая к случаю. По уральским понятиям, в Туркмении все двенадцать месяцев – лето. По верхнему краю печи проходило еще рядов пять кирпичной кладки, что образовывало огромную нишу, используемую как тайное хранилище. Сверху на печь надевался легкий металлический кожух. Никому из тех, кто приходил с проверкой работы радиоузла, не приходило в голову, что данный кожух

очень легко снимается.

Я всегда опасался капитана Фомина из особого отдела. Он каждый раз появлялся на радиоузле и исчезал с него как тень. От него невозможно было услышать каких-либо слов приветствия. Исполняя свой служебный долг, он настолько слился с работой, что стал настоящей ищейкой. Зная определённые гипнотические способности капитана, я старался не встречаться с ним взглядом, чтобы не выдать наличие запрещённого тайника.

Обычно при появлении капитана начинал усердно выполнять какую-нибудь работу, а он в это время фактически производил обыск, влезая в каждую щель. Ощущение близкой опасности заставляло учащённо биться сердце. От такого нервного напряжения иногда даже руки становились потными. Но, как говорят в таких случаях, бог меня миловал.

Мне, естественно, всегда доставляла очень большое удовольствие возможность переигрывать самого капитана Фомина, оказываясь при этом каждый раз в очень щекотливой ситуации, типа: «Пан или пропал».

Когда вечером после отбоя приходил в казарму, сослуживцы в комнате делали вид, что уже давно спят. Сами же для развлечения частенько придумывали безобидные шутки и розыгрыши вроде сапога на створке двери, тазика с водой на проходе и другие, зная, что мне придется пробираться к своей койке в полумраке южной ночи.

Там, где я служил, было много змей, черепах и

варанов. Мы всегда восхищались тем, как местные ребяташки играли ядовитыми змеями, ухватив их за кончик хвоста.

В летние ночи от духоты было сложно заснуть. Мы спрашивали разрешение вынести койки на улицу в цветник, чтобы спать там. В этом нам было отказано. Как объяснили, исключительно из-за опасности укуса змей. Да и устав не позволял такой вольности.

Постоянно получая информацию о змеях, в тот вечер невольно поддался на розыгрыш соседей по комнате. Придя со службы, умылся, разделся и лег в постель. В этот день я что-то сильно утомился, и сон начал быстро управлять моим сознанием. В тот момент, когда я готов был утратить ощущение реальности, под моей спиной что-то задвигалось и зашуршало. Сна как не бывало. Через мгновение шуршание усилилось, а из темноты кто-то испуганным шепотом произнес:

- Ребята, змея!

Услышав устрашающие магические слова, мигом спрыгнул с койки, словно был ужален змеей. Тут сослуживцы не выдержали и расхохотались так, что прибежали солдаты из соседних комнат. Убедившись, что это всего лишь розыгрыш, вместе со всеми надрывал живот и я.

Суть же розыгрыша была в следующем: под простыню на матрац змейкой был уложен бельевой шнур, за конец которого кто-то из соседей по койке осторожно потянул в тот момент, когда я засыпал.

Придя в себя от пережитого испуга, я поражался

только одному, как долго могли терпеть и не выдавать себя смехом мои сослуживцы, зная о предстоящем розыгрыше. На них, в общем-то, я был не в обиде, вспомнив при этом прибаутку: солдат дурачится – служба идёт.

Честь деревьям

По-моему пониманию жизни, в любом деле, где ты новичок, все нужно начинать с самых азов, фактически с нуля. И тогда в дальнейшем будешь иметь возможность конкретными поступками и делами доказывать другим обоснованность своих притязаний на что-либо.

В учебный взвод роты связи с новым пополнением поступил юноша с высшим образованием. Факт высшего образования в солдатской среде в те годы был редкостью, но изначально не таил в себе ничего неординарного. Но один необдуманый поступок молодого человека резко нарушил его взаимоотношения с другими новобранцами, а главное – с сержантским составом учебного взвода или попросту говоря – учебки.

Не подумав о том, что образование и образованность не всегда совпадают, юноша совсем не к месту, а главное – не ко времени, нацепил на гимнастерку поплавок о высшем образовании. При этом он, похоже, возомнил, что данный значок обязан обеспечивать ему большие привилегии в прохождении самой службы. По существу, на деле юноша не мог выполнить элементарные виды работ, предусмотренные армейской жизнью. Его неопрятный вид вызывал сожаление, а выпирающий из-под ремня гимнастерки живот говорил о лени молодого человека. И уж совсем неприятно было смотреть на то, как он буквально «сосиской» висел на перекладине, по-лягушачьи брыкая своими ногами.

Сержанты, естественно, с завидным азартом и рвением взялись за его перевоспитание. Апофеозом всего было то, как он учился отдавать честь в движении. Все происходило на асфальтированной дорожке перед казармой роты связи. Солдат ежедневно в течение определённого времени передвигался по дорожке, чеканя шаг, и отдавал честь каждому большому дереву, которое росло вдоль этой дорожки.

Обычно большинство людей проявляет сочувствие в таких случаях, и всегда пытаются заступиться за тех, кого обижают, а тем более – унижают. В данном случае этот неряшливый и не умеющий ничего делать солдат не вызывал ни у кого ни малейшего чувства жалости. Как молодой человек умудрился закончить высшее учебное заведение - для меня до сих пор остается загадкой.

Ротное начальство, усмотрев в таком усиленном тренинге элементы морального унижения и опасаясь непредвиденного развития событий, в срочном порядке перевело его куда-то подальше от греха. Допускаю даже мысль о том, что данный солдат был направлен

на десятимесячные курсы подготовки младшего офицерского состава.

В настоящее время журналисты много пишут о неуставных взаимоотношениях в армейской среде. Естественно, невозможно не согласиться с таким посылом: «Каково общество, такова и армия».

Если же брать и рассматривать тот факт, что многие юноши после прибытия в часть длительное время не могут адаптироваться к нормальной солдатской жизни, то большую часть вины я бы возложил на их родителей. Некоторые родители буквально сдувают пылинки со своих любимых подрастающих чад, оберегая их от любой работы. Не мной замечено, что лучший жизненный воспитатель – это труд, в идеальном варианте – совместный труд родителей и детей. Статистика неумолимо говорит о том, что даже время общения детей с родителями с годами неуклонно сокращается.

Воспитание детей иногда отходит на дальний план. Своим прямым долгом родители считают в основном только накормить, одеть и выучить. Практически забывая при этом о трудовом и духовном воспитании. Такая недалёковидность через какой-то промежуток времени возвращается к ним бумерангом, неся с собой беды и страдания.

На период моей службы армия изначально предусматривала полное самообслуживание. Это значило, что будущий солдат, как минимум, должен был уметь шить, гладить, чистить картошку, мыть полы и даже туалет. А применительно к условиям боевой обстанов-

ки (что не исключает служба в армии), быть готовым к любой трудовой деятельности. Тот, кто привык преодолевать трудности, легко вливался в солдатскую среду. Не зря говорят: «Не знать и не уметь – это полбеды, не хотеть научиться – вот настоящая беда».

Большинство бед современного общества истекает от элементарного безделья людей, особенно проявляющегося в условиях городской жизни, где блага цивилизации, освобождающие человека от физического труда, временами срабатывают с негативной стороны.

Существует значительная категория молодых людей, вообще не занятых по жизни какой-либо созидательной деятельностью. Эта молодежь от постоянного пустого времяпровождения развращается морально и слабнет физически, зачастую направляя свою нерастраченную энергию в нежелательное для общества русло.

Перспектива губы

Солдат не может знать, чем сможет удивить его день грядущий. Недаром говорят: человек предполагает, а жизнь – располагает. Так и для меня совершенно неожиданно, как удар обухом по голове, замаячил шанс оказаться на гарнизонной гауптвахте.

Незадолго до этого начальнику штаба присвоили

звание полковника. Служить до выхода на пенсию ему оставалось месяца три. И тут он как с цепи сорвался. Что стало с его психикой и головой, мне неизвестно. Только новоиспеченный полковник, до этого времени очень спокойный и уравновешенный человек, буквально за один месяц отправил на гарнизонную гауптвахту за незначительные нарушения более десятка солдат. Под эту гребёнку ненароком попал и я.

Началось всё с того, что, делая объявление по радио гарнизона, мной были названы фамилии и звания офицеров. Обычно заверенный текст объявления мне приносили в письменном виде. На этот раз возникла какая-то срочность, и объявление было сделано со слов одного из офицеров штаба. Услышав объявление по радио, начальник штаба тут же позвонил командиру роты и приказал немедленно задержать меня и переправить на гарнизонную гауптвахту за разглашение секретных сведений, добавив при этом:

- Болтун – находка для шпиона.

В роте поднялся невероятный переполох. Командир роты сразу же созвонился с начальником узла связи капитаном Леушкановым. Тот вызвал меня. Я доложил своему непосредственному начальнику о том, как всё было на самом деле, ничего при этом не отрицая. Капитан внимательно выслушал меня, пожал плечами и, произнеся слово: «странно», отправил меня до времени в помещение радиоузла. А сам стал созваниваться с политотделом части, который курировал работу радиоузла и давал добро на все объявления.

Через несколько минут капитан вновь вызвал меня и сказал, что начальник политотдела части подполковник Черечукин желает услышать всё из первых уст, для чего мне надлежит немедленно прибыть в штаб части. Перед отправкой капитан кратко проинструктировал меня по части технических возможностей подслушивающих устройств того времени.

Вхожу в кабинет начальника политотдела и докладываю о своем прибытии. Подполковник узнает меня как радиста по выездам с ним и предлагает изложить свою версию с объявлением. Основной упор в своем докладе делаю на то, что передачу сигнала по проводам невозможно прослушать на таком приличном расстоянии от линии границы, тем более, что эти провода проходят не параллельно, а под разными углами к государственной границе. Предположение, что радиосигнал ушел в эфир изначально абсурдно, так как такое не может существовать с технической точки зрения. Прослушивание идёт непосредственно в пределах гарнизона, где и так все в курсе званий и должностей офицеров. Подполковник Черечукин очень внимательно выслушал меня и отпустил с такими словами:

- Иди, солдат, и служи спокойно. Твоей вины не наблюдаю. А мы тут сами во всём разберёмся.

На выходе из кабинета слышал, как Черечукин, обращаясь к своему помощнику, сказал:

- Делать некоторым нечего, только время отнимают у людей.

По всей видимости, эти слова упрека были адре-

сованы непосредственно начальнику штаба, про которого последнее время в солдатской среде говорили, что он просто «озверел».

В штабе части служил писарем один из солдат нашей роты. Он был одним из тех, кто на своей шкуре испытал крутой нрав начальника штаба. В своё время сам получил от него несколько нарядов вне очереди только за то, что, находясь около здания штаба, не по уставу ослабил ремень гимнастерки, продемонстрировав свой животик. Солдат предупреждал нас о том, чтобы мы старались не попадать на глаза данному полковнику. Через положенное время начальника штаба отправили на пенсию, и все облегчённо вздохнули.

Мне всегда интересно понять мотивы поведения людей в определённой ситуации. В случае с начальником штаба склоняюсь к тому, что полковника страшила гражданская жизнь на пенсии, где у него не будет ни одного подчинённого. В глубине души, может быть, он рассчитывал стать командиром части.

После перевода полковника Царегородцева на повышение в Москву командиром части был назначен прекрасной души человек подполковник Черечукин. Его автограф, который он оставил при моей демобилизации, красуется в записи об увольнении у меня в военном билете.

Через несколько лет случайно разговорился с односельчанином, который проходил службу шофером в пограничных войсках того же округа. Выяснилось, что он возил того самого Черечукина, но уже в звании генерал-лейтенанта. Такой новости был от души рад. Приятно, когда достойных людей достойно оценивают по службе.

Несостоявшаяся карьера

Неся службу в роте связи, стал невольным свидетелем того, как судьба в одночасье может повернуть ход размеренной солдатской жизни и прервать плавное восхождение по служебной лестнице.

С северной стороны ротной казармы имелось

крыльцо с козырьком от солнца, поэтому на нем наблюдалась тень в самое жаркое время суток. По этой простой причине оно было любимым местом отдыха солдат не занятых на службе. Дополнительную тень и прохладу обеспечивали развесистые кроны больших деревьев. На площадке крыльца стояла длинная скамеечка и рядом с ней бак с кипяченой водой, где заваривался зелёный чай. Военнослужащие зачастую клали в бак куски льда из морозильной камеры, чтобы хоть как-то охладить воду. Намороженный лед считается чистым, так как по своим свойствам близок к дистиллированной воде.

С этого крыльца мне часто приходилось наблюдать, как на строевом плацу занимаются с военнослужащими, отбывающими наказание на гарнизонной гауптвахте. Строевая подготовка для них обычно продолжалась около четырех часов подряд, перемежаясь очень короткими перерывами для отдыха на краю плаца в тени от деревьев. Меня удивляло не то, как переносили тяготы строевой подготовки под палящими лучами солнца нарушители дисциплины - они периодически менялись. Поражал один военнослужащий из личного состава комендантской роты, который практически бесменно проводил эти занятия. Это был рослый парень, хорошо переносящий зной пустыни в дневное время, когда солнце стоит в самом зените.

Изначально он запомнился мне всего с одной нашивкой ефрейтора. Заканчивал он школу сержантов или нет, мне это доподлинно не известно. Через какое-

то время на его погонах красовались уже две лычки младшего сержанта, со временем три – сержанта, затем одна широкая – старшего сержанта и, наконец, широкая, во всю длину погона. Это говорило о том, что демобилизоваться он будет полноправным старшиной. Так бы оно и произошло, не случись одно событие, которое разом разрушило все наполеоновские планы молодого старшины.

В комендантской роте проводились контрольные инспекционные стрельбы из автомата, при успешном выполнении которых были гарантированы различные поощрения всему командному составу данного подразделения.

После того, как первое отделение данной роты завершило контрольное упражнение, проверяющие офицеры стали переглядываться между собой, почувствовав определённый подвох. Все мишени были поражены просто идеально. Их насторожил факт лишних очередей. Применительно к данному упражнению стрелять полагалось короткими очередями, отсекая по два патрона. Старший инспекционной бригады в звании майора, который находился на вышке стрельбища, быстро понял, что комиссию грубо дурачат.

Когда очередное отделение вышло на исходные позиции, чтобы изготавиться к стрельбе, он лично проверил магазины к автоматам и обнаружил, что вместо положенных десяти на данное упражнение патронов, в них было намного больше. Затем он прошелся вдоль всех мишеней и увидел перед ними подсыпку

из гравия и щебня, ударяясь в которую, пуля выбивала множество осколков. А так как мишени срабатывали на ударную вибрацию, то они «ложились» после самой безобразной стрельбы.

Возмущению членов проверяющей комиссии не было предела. Посчитав, что их просто унизили, они откровенно жаждали «крови». Дальнейшее проведение контрольных стрельб тут же было остановлено. Стали искать виновника, который снабдил солдат роты дополнительными патронами и организовал подсыпку щебня и гравия перед мишенями. Насколько я понимаю, прикрывая своё ротное начальство, молоденький старшина всю ответственность за произошедший инцидент на стрельбище взял на себя.

Буквально под вечер того же дня на строевом плацу было проведено построение личного состава гарнизона. В назидание всем у провинившегося солдата ножницами срезали с погон широкие нашивки, разжаловав его сразу до рядового. В приказе лейтмотивом звучали слова о фальсификации результатов стрельб и введении в заблуждение проверяющей комиссии.

Лично мне было очень жаль несостоявшегося старшину, который зарабатывал очередные звания в буквальном смысле своим потом под палящими лучами южного солнца. В скором времени он демобилизовался, правда, уже не рядовым - на его погонах вновь красовались лычки младшего сержанта.

Все это еще раз наводило на мысль о том, что в свое время молодой человек прикрыл свое ротное на-

чальство от гнева проверяющих, сыграв роль своеобразного громоотвода.

«Мышь» поднимает гарнизон по тревоге

Для меня описываемое лето было вторым в условиях армейской жизни. К несению службы на радиоузле со временем привык до такой степени, что ходил на нее с удовольствием, как на любимую работу. Интерес подогревало то, что всегда имелась возможность вносить какие-то предложения по улучшению работы радиоузла, а затем самому внедрять задумку в жизнь, выполняя при этом разные творческие работы. Нет ни-

чего приятней, чем повседневно заниматься таким трудом, который тебе в радость, пускай даже и в условиях армейской жизни.

Прослужив более года на радиоузле, пришел к логическому выводу, что за все предыдущие годы его эксплуатации каждый механик что-то добавлял и переделывал, но не ликвидировал старое, боясь серьезного сбоя в работе автоматических устройств и систем. Идея переоборудования не давала мне покоя, и я приступил к систематизации схемы разводки всех проводов и кабелей, которые были проложены огромными пучками. Разобраться сходу, где и что напичкано, было просто невозможно. В подобной ситуации говорят: «Сам чёрт ногу сломит».

Радиоузел был основательно нашпигован различной аппаратурой. Тут были радиоприёмники разных моделей, несколько магнитофонов, усилители, аппаратура оповещения и сигнализации и многое другое.

Мне запомнился студийный магнитофон тех времен в металлическом корпусе с изменяемыми скоростями 19 и 38 протяжки ленты. При таких скоростях фактически не страдало качество записи в тех случаях, когда происходили разрывы ленты. Соответственно имелась возможность ставить на магнитофон кассеты очень большого метража.

Чтобы свести до минимума возможность постороннего проникновения на радиоузел, последний имел всего одно окно с мощной металлической решёткой, сваренной из крепких арматурных прутьев. Для того,

чтобы попасть в комнату радиоузла, нужно было пройти через кабинет начальника узла связи капитана Леушканова. Здания штаба части и узла связи находились метрах в двадцати друг от друга, что позволяло часовому у штаба присматривать и за нашим зданием.

Радиоузел считался в какой-то степени секретным объектом. Поэтому у меня была персональная печать, восковой оттиск которой я обязан был ставить на специальной дощечке у контрольного замка каждый раз даже тогда, когда уходил куда-то на непродолжительное время. Посторонние в комнату могли войти только в моём присутствии, получив разрешение от начальника узла связи. Исключение делалось для офицеров особого отдела.

Где-то примерно через месяц мной была составлена чёткая схема подсоединения аппаратуры, прокладки проводов и кабелей, монтажа автоматических устройств, которая должна была в несколько раз упростить аварийное обслуживание. До этого все механики, можно сказать, работали «вслепую». Это всё равно, что ремонтировать сложную аппаратуру без наличия схемы.

Капитан Леушканов оценил идею и зажёгся ею сразу и безоговорочно. Досконально проверив вместе со мной всю схему, он утвердил её внедрение. Затем проведение работ было согласовано со штабом части, так как только через оперативного дежурного офицера, который находился в штабе, осуществлялось непосредственное включение оповещения и сигнализации.

На проведение работ мне дали две недели сроку и солдата в помощь, соответственно обеспечив всем необходимым с технической стороны.

Не трогая на первом этапе старой монтажной схемы, параллельно проложили новую проводную сеть. Затем временными перемычками стали осуществлять постепенный переход на новую схему.

В один из дней сидим с помощником в гарнизонной столовой и спокойно обедаем за тем столом, где обычно снимает пробу дежурный офицер. Прямо над нами висит радиоприёмник. Сегодня он молчит, так как в гарнизоне плановое отключение света. Мы практически одни. Все смены уже пообедали. Настроение приподнятое, так как наша работа движется к логическому завершению.

Я чуть не подавился куском хлеба, когда из динамика послышался характерный треск и шуршание магнитофонной ленты, а затем зазвучала условная мелодия и произносимый моим голосом цифровой код, которые говорили о том, что в части объявлена «Тревога!». По этой команде поднимался весь гарнизон. Исключение составляли только те, кто был в карауле и нарядах.

Схватив панамы, выскакиваем на улицу и мчимся в расположение своей роты, чтобы взять все то, что положено по штатному расписанию вплоть до вещмешка с запасом патронов и сухого пайка.

Моей непосредственной и основной обязанностью при выезде по данному сигналу являлось обеспе-

чение надежной связью замполита части. При этом использовалась заплечная переносная рация. Бегу к узлу связи и начинаю включаться в создавшуюся ситуацию, которая грозит мне очень крупными неприятностями.

По сигналу «Тревога!» гарнизон выдвигается в район опорного пункта, оборудованного по всем правилам воинских требований, и закрепляется там. Обычно слухи о проведении подобных учений просачивались заранее, а в данном случае - как снег на голову.

До моего сознания начинает вдруг доходить, что виновником всей этой кутерьмы являюсь я один. Свет отключили еще утром. Мы с напарником выполнили некоторые монтажные работы без света. Когда пошли на обед, за разговорами я невнимательно проверил расположение тумблеров на пульте. В момент подачи электричества магнитофон сработал, и произошло то, что и должно было произойти при идеальной работе автоматики.

В тот момент меньше всего думал о себе. Максимум, что мне грозило за халатное выполнение своих служебных обязанностей – это гауптвахта. Да и в этом случае, меня, так или иначе, водили бы на радиоузел для несения службы, так как на тот момент мной не была еще подготовлена замена себе. Мне было обидно за начальника узла связи, которого явно не погладят по голове за такие шутки, и в целом за роту связи, которая до той минуты в отряде была на хорошем счету.

От казармы нашей роты до узла связи бег по полной выкладке занимал около трёх минут. Этого време-

ни оказалось вполне достаточно, чтобы привести мысли в порядок и найти приемлемое для всех решение вопроса. Чем анекдотичней выглядела версия технического сбоя в работе автоматики, тем правдоподобней она могла показаться. В виновники инцидента решаю записать обычную домашнюю мышь.

Забегаю на узел связи, а там уже целая комиссия из офицеров. Они буквально с порога атакуют меня. Приняв окончательное решение, действую спокойно и хладнокровно. О чем нельзя было сказать про окружающих меня офицеров. Вся интрига заключалась в том, что никто из них не мог понять, кто конкретно включил сигнал «Тревоги». Потом рассказывали, что оперативный дежурный по гарнизону даже клялся честью офицера о непричастности к нажатию данной кнопки, которая от случайного включения была защищена специальным колпаком.

Начальник штаба незамедлительно позвонил в округ, откуда ответили, что никаких учений не объявляли. Оставалась еще Москва. Мысль о том, что боеготовность проверяют из самой столицы, у большинства не вызывала приятных ощущений.

Понимая, что включение можно произвести также непосредственно с радиоузла, представители всех отделов штаба ринулись на узел связи. Там их встретила закрытая на замки дверь и четкий отпечаток контрольной печати. Высказывалась даже такая абсурдная мысль, что проверяющие прибыли инкогнито, и я их закрыл на радиоузле. При этом все с укором смотрели

на особистов. Только они могли в данном случае подложить такую «свинью» при развитии ситуации в подобном направлении. К слову сказать, те и сами были в полном неведении и абсолютной растерянности. А между тем, огромная колонна машин гарнизона с личным составом готова была выступить в поход по первому сигналу.

Непосредственный начальник капитан Леушканов дает команду открыть кабинет радиоузла при всех, что я незамедлительно делаю. Первым захожу в свой кабинет и выключаю магнитофон, с которого транслируется злополучный сигнал. Тут же быстро переключаю несколько тумблеров, чтобы никто из присутствующих не смог до конца запомнить их положение до переключения. Попутно отключаю громкую связь на гарнизон.

Большинство офицеров впервые присутствуют на радиоузле. Их внимание оказалось рассеянным. Кто-то из старших офицеров предложил мне сформулировать причину несанкционированного включения, если вообще существует какая-то версия. Я бросил взгляд на капитана Леушканова. Тот одобрительно кивнул мне, задумавшись о чем-то своем.

Чтобы не тянуть кота за хвост, сразу же подтвердил, что случайное включение произошло из данной комнаты. Вероятным виновником могла быть обыкновенная мышь, которая вспрыгнула на якорь реле, что и привело к срабатыванию системы оповещения. При произнесении данных слов по лицу моего начальника

скользнула ухмылка, но он постарался спрятать ее и принять строгий вид. Насколько я понимаю, для моего прикрытия от гнева начальства у него была приготовлена своя версия произошедшего, но то, что он услышал из моих уст, его устраивало намного больше.

Никогда в будущем мой начальник не возвращался к данной теме. По-моему, он, находясь еще у себя в кабинете, понял всё, так как любые схемы читал практически вслепую. Но для себя, видимо, решил не усугублять ситуацию, если находчивость солдата её разрешила.

В комнате после моих слов посыпались разные шутки, и напряжение разом спало. Офицер особого отдела капитан Фомин, весь смысл службы которого заключался в том, чтобы постоянно сомневаться в ком-то или в чем-то, следуя принципу: «Доверяй, но проверяй!», предложил при всех продемонстрировать, как могло произойти данное включение.

Мои предшественники некоторые реле поставили вверх якорями. Больше месяца работая со схемой, прекрасно знал назначение каждого её элемента. Включив только внутренний динамик и настроив магнитофон, попросил монету, близкую к весу мыши, которую мне незамедлительно кто-то вручил. Все расступились вдоль стен и приготовились наблюдать. Капитан Фомин следил за каждым моим действием. Нужное реле стояло в специальном шкафу, расположенном вдоль одной из стен.

Чувствовалось, что напряжение от ожидания

«чуда» в рядах офицеров нарастает. Они ожидали увидеть что-то вроде фокуса. Легонько опускаю монету на конец пластины контактного реле, вес которой превысил усилие пружинки. Контакты блокировочного реле замкнулись, и по цепочке стали срабатывать силовые реле, включая систему автоматического оповещения. Из динамика полилась та самая мелодия, которая буквально несколько минут назад подняла на «уши» весь гарнизон.

Версия была материализована у всех на глазах. Никаких сомнений больше не оставалось. Все потянулись к выходу, несказанно довольные тем, что предстоящую ночь они будут проводить не в полевых условиях, а в уютной домашней обстановке. Большинство из них жали руку капитана Леушканова. Тем не менее, представитель штаба предложил моему начальнику написать объяснительную, поясняющую причину срабатывания сигнализации. Мотивировал он это тем, что в журнале оперативного дежурного уже сделана запись о подъёме гарнизона по «Тревоге».

Таким образом, моя грубая оплошность по службе помогла осуществить внеплановую проверку боеготовности всего гарнизона в аспекте выполнения временных нормативов, предусмотренных на сборы по данному сигналу. А в скором времени была досрочно запущена в работу новая разводка коммуникаций на радиоузле. Качество выполненных работ удовлетворило всех.

Стройбатовские будни

Мой друг Женя Яворский служил в стройбате. Их казарма была расположена точно напротив нашей роты связи. Чтобы навестить друга, мне оставалось только перейти через строевой плац. Все койки у них в казарме стояли в два яруса. У нас так было, когда мы были в учебном взводе. Все солдаты стройбата проживали в одном огромном зале. В роте связи мы проживали по несколько человек в комнате.

Солдаты стройбата имели по виду такие же автоматы, как и мы, только их камуфляжное оружие не могло использоваться по прямому назначению, так как стволы были просверлены где-то сразу за патронником.

При входе в казарму стройбата в глаза всегда бросался страшный беспорядок. Особенно удивляло то, что некоторые солдаты лежали на койках, не снимая сапог. Ощущение от всего увиденного до сих пор оставляет грустный осадок на душе. У меня сохранилось воспоминание о курьёзном случае, произошедшем с одним из солдат стройбата.

Климат в районе города Каахка, где мне довелось служить, сухой и жаркий. Летними вечерами наступала нестерпимая духота. Если не удавалось уснуть сразу, брали простынь и шли с ней в летний душ. Расположен он был так, что им одновременно могли пользоваться рота связи, школа сержантов и стройбат.

Душ представлял собой огороженную плотным

забором ровную заасфальтированную площадку с несколькими распылителями. Чтобы немного охладиться, споласкивались под душем и намачивали простынь. Затем натягивали её над койкой, цепляя за головки кроватей. Испарение влаги на время обеспечивало прохладу под простыней, и духота комнаты отступала. Если заснуть не удавалось, подобную процедуру повторяли снова, иногда по несколько раз.

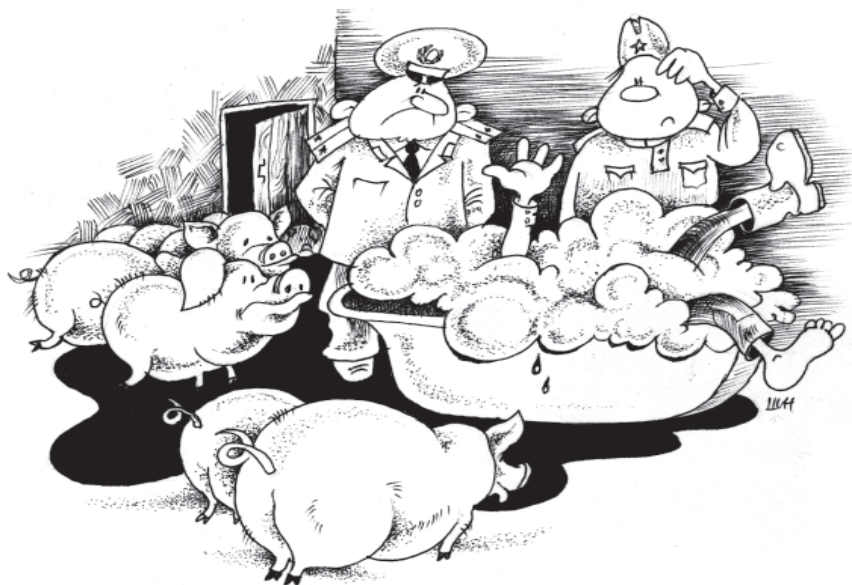
Мне с соседом в тот вечер не засыпалось, и мы направились под душ. Стояли и наслаждались струями прохладной воды. Неожиданно нас опажнуло зловонием. Мы обратили внимание на то, что под один из распылителей два солдата поставили третьего, который совсем не держался на ногах. Был он в одежде и сапогах. Вся гамма дурных запахов исходила непосредственно от него. Солдат был явно нетрезв. Он непрерывно ругался, надрывисто кашлял и сморкался.

В свои права уже вступила летняя ночь. Под светом лампочек было видно, как струи воды с одежды третьего смывают какую-то кашеобразную слизь. Больше всего пьяного возмущало то, что ему не дают лечь. Нам такое соседство было совсем не по душе, и мы покинули душ с его неприятными ароматами, так как в любой момент нас могло просто стошнить. Через несколько дней друг Женя прояснил ситуацию с пьяным солдатом строительного батальона.

Казарма стройбата стояла рядом с гарнизонной столовой, отходы питания из которой сливали в огромную чугунную эмалированную ванну. Этими отхода-

ми кормили свиней подсобного хозяйства части. В тот день свинарь по какой-то причине не смог забрать отходы от столовой. К вечеру на солнце они основательно прокисли и начали бродить, поднявшись шапкой над ванной.

Солдат был в такой степени опьянения, что принял ванну за постель и решил прилечь. Верхняя часть туловища перевалилась через край ванны, и он головой вперед нырнул на дно в прокисшую кашеобразную массу пищевых отходов. Попытки зацепиться руками за что-либо не увенчались успехом. Стенки и дно ванны были идеально гладкими. Жизненный путь нерадивого солдата мог в скором времени нелепо оборваться в этих зловонных отходах. Он начинал медленно захлебываться.

На его счастье, рядом со столовой проходили два его сослуживца. Их внимание в сумерках привлекли мерно дёргающиеся сапоги, которые нелепо торчали из ванны с отходами. Подойдя ближе, они разглядели, что продолжением сапог являются солдатские ноги. Два солдата быстро сообразили, что где-то среди отбросов должно быть и само туловище. На розыгрыш ситуация не тянула, всё было очень реально. Не мешкая, они выдернули беднягу из дурно пахнущей топкой ловушки и, как могли, прочистили ему рот и гортань. Когда утопленник начал уверенно дышать, поволокли его под летний душ и отмывали до тех пор, пока тот окончательно не протрезвел.

За два года службы мне лично ни разу не довелось наблюдать распитие спиртных напитков в своей роте, что говорит о хорошей дисциплине и поддержании солдатами авторитета родного подразделения.

Прослушивание коммутатора

Для связи абонентов телефонных линий на узле связи стоял коммутатор, на котором дежурили как солдаты срочной службы, так и работающие по контракту. В качестве контрактников чаще всего выступали жены старшин и офицеров нашего гарнизона. В ночные дежурства несущие службу на коммутаторе умудрялись дозваниваться до своих родственников, проживающих

в любой точке огромного Советского Союза.

На втором году моей службы в соседней комнатухе было установлено устройство, позволяющее прослушивать буквально все разговоры, проходящие через коммутатор. Сделано это было с подачи особистов, которые правомерно посчитали, что во время разговоров по телефону многие болтают лишнее. В качестве записывающего устройства был установлен кассетный магнитофон. Запись разговоров осуществляли специально проинструктированные офицеры по особому графику, который сохранялся в строгом секрете. В данную комнату был отдельный вход, что позволяло офицеру, контролирующему телефонные разговоры, появляться в ней незамеченным.

Данный факт сильно нервировал солдат на коммутаторе, которым на определённое время пришлось прекратить все бесплатные ночные разговоры с родственниками. Не в восторге были и те офицеры, которым в особом отделе части предлагали прослушать запись их недозволенных разговоров по телефонным линиям.

Друзья обратились ко мне с просьбой о том, чтобы я помог каким-то образом обезопасить их от прослушивания, особенно в ночное время. Жизненная практика подтверждает, что нет совершенно безвыходных ситуаций. И вскоре решение было найдено. Решение само по себе очень простое, но эффективное. На магнитофонную кассету я записал самые востребованные песни того времени, а в самом начале её на не-

сколько минут оставил запись какого-то телефонного разговора. Современными записями песен меня, как начальника радиоузла, в достаточном количестве обеспечивали вернувшиеся из своих отпусков офицеры и солдаты.

В дневное время доступ в комнату для прослушивания телефонных разговоров у меня был по службе, что позволило установить данную кассету на магнитофон. Рядом с магнитофоном лежало еще несколько кассет со старыми записями разговоров.

Приманка из хороших песен сработала в первую же ночь. В комнате, где стоял коммутатор, связисты службу несли вдвоём. Стенка между комнатами была тонкой, и вскоре солдаты слышали доносящиеся из соседней комнаты мелодии любимых песен.

Один из солдат оставался сидеть у стенки, контролируя действия офицера в комнате для прослушивания и наслаждаясь одновременно звучащими мелодиями. Другой солдат в это самое время спокойно разговаривал с родными по телефону, нисколько не опасаясь быть записанным. А так как дежурные офицеры на прослушивании постоянно менялись, то каждый раз повторялось практически одно и то же.

Офицер, придя на дежурство, исключительно из любопытства вначале прослушивал то, что было записано до него. Когда же дело доходило до звучания песен, оторваться он уже не мог, пока не прокручивал кассету с обеих сторон, иногда даже по несколько раз. В скором времени зловещая книга контроля телефон-

ных разговоров пестрела в основном следующими записями:

- За время моего дежурства недозволенных разговоров по телефонным линиям не велось. Дежурный офицер такой-то, число и подпись.

Особый отдел, видимо, тоже остался доволен, посчитав, что сам факт оборудования комнаты для прослушивания сыграл как фактор устрашения, и недозволенные разговоры по телефону практически прекратились.

Выезд по тревоге

Неожиданный конфуз произошел у меня с вновь назначенным начальником штаба подполковником Манойло. Меня, как одного из опытных радистов, для обеспечения надежной связи определили на некоторое время к начинающему начальнику штаба. Не прошло и нескольких дней после его назначения на новое место службы, как была объявлена плановая учебная «Тревога».

Всё было бы хорошо, если бы не одна непредусмотренная неувязка, которая сильно подпортила благие намерения моих начальников. В момент объявления «Тревоги» (а это был поздний вечер) я оказался на радиоузле. Если другие солдаты, схватив в охапку всё, что положено иметь с собой по данному сигналу, «падали» в кузов машины, которая стояла у самого крыльца казармы и могли спокойно приводить себя в порядок, то мне пришлось вначале бежать в расположение роты за автоматом, вещмешком и всем остальным для полной экипировки. Затем весь этот путь проделать в обратном направлении на радиоузел, чтобы захватить рацию и запасной комплект аккумуляторов. Кроме того, нужно было успеть выключить сигнализацию и закрыть все замки.

Впоследствии солдаты сопровождения, один из которых был придан начальнику штаба, а другой — для охраны рации, рассказывали мне, что подполковник очень сильно нервничал, так как для него это был

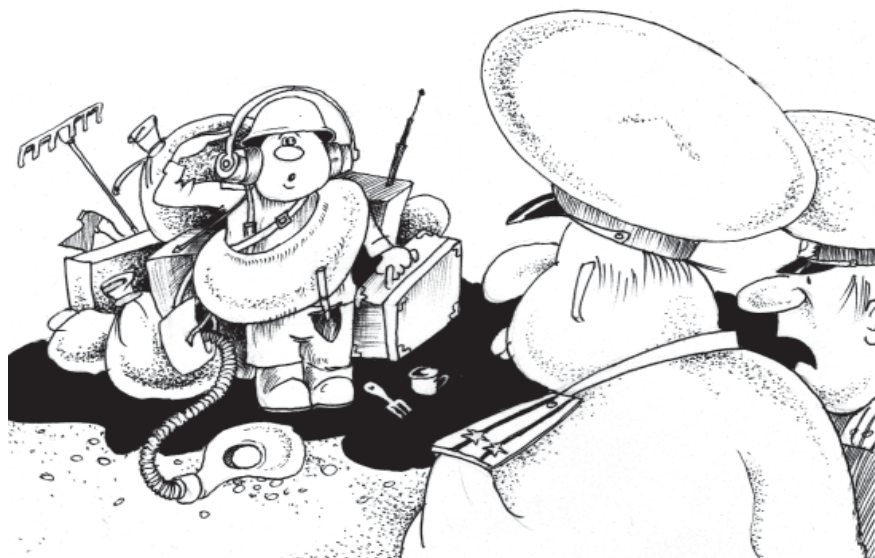
первый выезд на учения в новой должности, да к тому же на новом месте службы. Нервно расхаживая около штабной машины, подполковник постоянно интересовался тем, где же болтается солдат с вверенной рацией. На что ему никто и ничего конкретно ответить не мог. Но и без рации начальник штаба выехать не мог, тогда бы он оставался без всякой связи и в полном информационном вакууме. Другого варианта просто не было - оставалось только ждать.

Когда я подбежал к машине начальника штаба, она оставалась фактически последней, не выехавшей за пределы КПП. Вся огромная колонна машин начала выдвижение в заданную точку.

Могу себе представить мой абсолютно неприглядный вид со стороны, когда я подбежал к нужной машине. Весь взмокший, тяжело дышащий от длительного выматывающего бега, обвешанный со всех сторон амуницией, как торговка, опаздывающая на электричку.

Один из солдат открыл дверцу, пропуская меня на середину заднего сиденья автомобиля ГАЗ-69. Я элементарно плюхнулся туда со всем своим объёмным багажом. Для полноты восприятия предлагаю читателю ознакомиться со списком основного: рация весом более пяти килограммов, скатка шинели, автомат, вещмешок с боезапасом и сухим пайком, подсумок с магазинами, комплект запасных аккумуляторов, саперная лопатка, фляжка с водой.

Машина рванула догонять автомобильную ко-

лонну. Солдаты с обеих сторон придерживали моё снаряжение, помогая мне выйти на связь по рации. По правилам конспирации все автомобили двигались исключительно с габаритными огнями.

Неприятность не приходит одна. У рации совсем некстати перегорела лампочка подсветки шкалы. Мне никак не удавалось в темноте выйти «ощупью» на заданную частоту. А начальник штаба уже негодовал, не имея связи. Он не стеснялся в выражениях и обещал сгноить меня на губе по возвращении с учений.

На тот момент мне шел двадцать третий год. Характер мой был уже закалён. В отвратительной для себя ситуации понимал, что нужно делать свою работу, а не отвлекаться на разные угрозы. В нарушение инструкции по светомаскировке колонны попросил дать верхний свет с плафона. После чего быстро вышел на

нужные частоты. Тут же связался с радистом, который был направляющим в колонне, затем с замыкающим. Доложил начальнику штаба о том, что колонна в полном составе и без отклонения от графика движется в направлении нужного района. Из его груди вырвалось облегчённое восклицание:

- Уф!

В дальнейшем подполковник сидел на переднем сиденье, втянув голову в плечи, и думал о чем-то своем. Он, по всей вероятности, переживал за то, что показал свою слабость и несдержанность при солдатах, понимая при этом, что выполнить своё обещание насчёт гауптвахты вряд ли сможет. Если рассуждать здраво и по справедливости, я её просто не заслужил. Машина между тем заняла свое законное место в строю колонны. В последующем еще несколько раз выходил на связь, в основном для уточнения местоположения колонны, которая в нужном месте свернула с трассы и досрочно прибыла на опорный пункт, где её встречали довольные проверяющие. Все дальнейшие события развивались чётко по плану учений.

Наказаний в мой адрес по окончании учений, как я и предполагал, не последовало. Наоборот, в скором времени, с учетом предыдущих достижений по службе, мне был вручен нагрудный знак «Отличник погранвойск второй степени» и предоставлен краткосрочный отпуск для поездки домой. В те годы, служа в армии, отпуск нужно было заработать. Его предоставляли немногим. В любом случае, представления о моем поощ-

рении проходили через канцелярию штаба, и там их никто не притормозил.

Дорога домой

Наш набор совпал с реформой перехода с трехлетнего срока армейской службы на двухгодичный срок. Естественно, мы спокойно настроились служить два с половиной года и рассчитывали попасть домой где-то летом. В конце октября начале ноября побывал дома в отпуске. К положенным десяти дням отпуска добавил ещё дней пять за счёт того, что вместо поездки на поезде летел на самолёте.

Двадцать первого декабря наш набор роты связи находился на помывке в бане. По армейским понятиям, мы - «деды» и моемся в своё удовольствие без ограничения времени. В помывочную в хорошем настроении зашёл штабной капитан, которого мы знали в лицо, и задал вопрос о том, хотим ли мы домой. Выдержав паузу, он с удовольствием поведал о том, что пришёл приказ о снятии с довольствия всех, кто прослужил два года и более в срок до тридцать первого декабря. Из дальнейших его слов следовало, что наше ротное начальство ходатайствовало перед командиром части о том, чтобы весь набор роты связи демобилизовали в один день и в первую очередь за успехи в

службе. Ходатайство командиром удовлетворено, и мы должны покинуть часть уже завтра. Поняв, что это не шутка и поблагодарив капитана за отличную весть, мы устремились в казарму роты связи. Всё подтвердилось, и нам разрешили готовиться к отбытию домой.

Утром нас построили перед крыльцом ротной казармы, на котором толпились наши сослуживцы для церемонии общего прощания. Офицеры и старшины после кратких напутственных речей, в которых от всей души пожелали нам успехов в гражданской жизни, на прощание обменялись с дембелями крепкими рукопожатиями. Старшина Евтушенко сопровождал нас до штаба части, где было построение тех, кто увольнялся двадцать второго декабря. В целом со всего пограничного отряда набралась солидная команда.

Всех демобилизующихся построили в одну длинную шеренгу. Каждый из солдат поставил свой чемодан перед собой, и открыл его. После этого был произведен досмотр содержимого на предмет возможного провоза чего-то недозволенного.

Ребята нашей роты стояли в самом конце шеренги, и данная процедура нас коснулась только поверхностно. По моему разумению, не последнюю роль сыграл заслуженный авторитет старшины нашей роты Евтушенко, который к тому моменту добросовестно прослужил на границе около тридцати пяти лет.

Где-то за месяц до увольнения старшина советовал нам не пытаться провезти сигнальные ракеты, боевые патроны или что-то посерьёзней, так как это

чревато для нас большими неприятностями. мудрому совету старшины мы вняли безоговорочно. Везли с собой только альбомы с фотографиями при оружии и атрибутику неуставной формы, примером которой могут служить погоны со вставками. За такие незначительные нарушения уставных требований строго бы не покарали. Лично у меня в чемодане, кроме всего прочего, лежала кассета с песнями запрещённого Высоцкого.

Неожиданно один из офицеров штаба попросил меня выйти из строя шеренги и отойти немного в сторону. Мне сразу стало как-то не по себе. В тот момент понимал, что если сейчас проверят мой чемодан и обнаружат кассету, то в лучшем случае будет потрачено время на прослушивание всей кассеты с запрещёнными записями, которую, естественно, изымут. При худшем варианте могли задержать в части до тридцать первого декабря с перспективой встречи Нового года в пути домой.

Между тем офицер достал из своего чемоданчика все мои документы и под роспись в журнале передал мне, пояснив при этом, что я один из всей этой партии демобилизованных еду через Ташкент на Урал. Поэтому мне доверено добираться домой одному, без сопровождающего.

Попрощавшись с ребятами нашей роты, направился на вокзал. В тот момент даже представить себе не мог, что все они через какое-то время будут жить в другом суверенном государстве с названием Украина.

Сойдя с поезда в Ташкенте, еду в аэропорт, чтобы улететь домой на самолёте. К моему глубочайшему сожалению, все места на рейс до Перми были раскуплены за много дней до этого. На носу был Новый год.

В аэропорту Ташкента мне запомнился огромный зал ожидания, в одном из углов которого был расположен целый ряд касс. На нашем направлении кассиром работала молодая девушка. Внимательно выслушав меня, она объяснила, что билетов на рейс до Перми нет в наличии. Предложила подойти непосредственно перед отправлением воздушного судна. Расчет был на то, что кто-то сдаст билет, отказавшись от рейса.

Регистрация на самолет подходила к концу, а свободного билета так и не появилось. Находиться на аэровокзале Ташкента мне совсем не хотелось. Этот узловый город был нашпигован военными патрулями, которые в любой момент могли придрататься к незначительным нарушениям в форме одежды и доставить для разбирательства в комендатуру.

У девушки-кассира поинтересовался наличием свободных мест на Омск, мотивируя изменение маршрута тем, что у меня там живёт старший брат. Почувствовав свободу гражданки, хотелось как можно быстрее покинуть этот южный город. В предверии наступающего Нового года мест не было и на Омск. Отрицательным был ответ относительно мест на Ленинград, где проживали две мои сестры. Получалось как в песне у Высоцкого. Места были только туда, куда мне не нужно было лететь.

Сел на диван вблизи от кассы в подавленном настроении, низко опустив голову. Начиная осознать и привыкать к мысли, что мне предстоит проделать длительный путь на поезде, затратив на это кучу времени. Иллюзорная надежда, которая еще теплилась в моем сознании, удерживала меня на месте.

Что сыграло тут решающую роль: мой удрученный вид, жалость к молодому пограничнику или мои отчаянные попытки улететь хоть куда-нибудь, мне неизвестно, но девушка-кассир подозвала меня к кассе и продала забронированный билет. При этом предупредила, чтобы я вёл себя в полете тихо и незаметно, так как соседями будут «высокие» люди. Она попросила меня поторопиться с регистрацией. К этому моменту посадка на лайнер до Перми уже заканчивалась. Убегая к своему самолету, успел только улыбнуться девушке благодарной улыбкой человека, которому протянули руку помощи в трудную для него минуту.

Стюардесса провела меня в самый хвост самолета «ИЛ-18», где в салоне было всего несколько мест. В те годы в полете предлагали завтрак. Плотнo перекусив, незаметно погрузился в сон и проснулся только при подлете к своей малой родине – городу Пермь.

С той поры прошло много лет, но не стирается из памяти тот душевный поступок девушки-кассира. Она продала забронированный билет простому солдату, явно нарушая при этом грозную служебную инструкцию тех лет. Как хорошо, что в нашем обществе есть люди, способные сочувствовать и сопереживать

за других людей, попавших волею судьбы в трудную жизненную ситуацию.

Содержание

Путь-дорога в армию	3
Учебка (От подъёма до отбоя)	13
Контрольные стрельбы	18
Осваиваю лазанье по столбам	22
Вмешательство в разговор	26
Нюансы туркменской природы	28
Розыгрыш	32
Честь деревьям	38
Перспектива губы	42
Несостоявшаяся карьера	46
«Мышь» поднимает гарнизон по тревоге	50
Стройбатовские будни	59
Прослушивание коммутатора	62
Выезд по тревоге	66
Дорога домой	70